

Маркиз де
Франс

Анатомический театр

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Маркиз де Франс
Анатомический театр

«Автор»

2026

де Франс М.

Анатомический театр / М. де Франс — «Автор», 2026

Четыре истории — четыре хирургических разреза на теле реальности, где безумие становится единственной формой искренности, а возмездие — искусством. В этом сборнике нет привычной линейности времени. Зло закольцовано: оно не имеет начала и не знает конца, перетекая из души в душу, как заразная болезнь. Границы между мучителем и жертвой, врачом и пациентом, палачом и судьей здесь призрачны. Читатель окажется в кабинете врача, где исповедь звучит как смертный приговор; за кулисами театра, где зрители рукоплещут смерти, приняв ее за игру; в морге, где плоть становится искушением, ведущим прямиком в преисподнюю; и, наконец, в мастерской живописца, который решил очистить мир от «грязи» с помощью красок и холста. Автор не читает мораль и не ищет оправданий. Его задача — показать бездну, которая смотрит в ответ на каждого, кто отважится нарушить неписанные законы совести. Вам предстоит пройти этот путь до конца, чтобы понять: самые страшные монстры живут не в подземельях, а глубоко внутри.

© де Франс М., 2026

© Автор, 2026

Маркиз де Франс

Анатомический театр

Предисловие

Перед вами не просто книга, а кровоточащая рана, которая не видна внешнему взору. Та, что истекает кровью спустя годы, не заживая. Кроме того, этот сборник и о тех, кто пытается лечить эту рану чужими страданиями, жизнями, смертями и, конечно же, душами.

Четыре рассказа — четыре вскрытия одной раны. А имя ей — неизлечимая совесть.

Что движет человеком, когда он берёт на себя право судить других? Что происходит в душе, когда единственная цель — месть? Где та грань, когда мысль превращается в оружие, а любовь — в яд? И в какой момент человек забывает, что та реальность, которую он рисует у себя в голове, вряд ли сможет совпасть с той, где протекает его жизнь...

Во всех этих историях взгляд читателя должен проникать в глубину текста, выходить за пределы буквального смысла; читателю необходимо размышлять о каждой детали, о каждой мелочи, указанной автором. Только тогда суть выплывет наружу, а разум будет удовлетворён.

Но выбор всегда остаётся за вами.

Время в этой книге не течёт линейно. Оно замыкается в кольцо, напоминая: у зла нет ни начала, ни конца.

Я не моралист и не судья. Моя задача — показать, а не объяснить, предупредить, но не спасти.

Так что, читатель мой, предлагаю отправиться в вечернюю кутерьму бомонда, где отвлечение и разврат переполняют души, отбивая желание существовать в этом мире. Прошу, читатель, и ты всё поймёшь...

ПЕЧАТКА «Б»

«Самые жуткие монстры живут
не в подземельях, а в человеческих душах».
Эдгар Аллан По.

Вечер. Кабинет.

— Добрый вечер, господин... — мужчина в белом, словно эмаль зубов, халате сидел за дубовым резным столом, перебирая бумаги перед собой.

— Феликс Шульц, сэр, — слегка улыбнулся пациент, приподнимая уголки губ.

— Точно, абсолютно точно, — врач поднял взгляд, смотря своими болотными глазами сквозь стекло очков в роговой оправе, и на лице проступила уставшая улыбка. — Что же вас привело сюда? — Мужчина откинулся на спинку кресла и пододвинул тетрадь для записок.

— Знаете, доктор Вебер... — Феликс также расположился в мягком кресле, поглядывая на догорающий огонь в камине со старинной облицовкой и перебирая в своих костлявых пальцах серебряную печатку с вырезной буквой «Б». — Я обратился к вам, потому что слышал: вы один из врачей в нашем неприглядном городке... а может, и стране... кто способен понять. Не просто выслушать — понять. В чёрных, как смоль, глазах отражались пляшущие языки пламени; их танец был величавым, но в тот же момент ужасным — сливался воедино с тем, что исполняли древние племена, принося жертвоприношение, а после, поедая человеческое мясо, обгладывая кость за костью, словно хищники, утоляющие голод.

— Вы, доктор Вебер, верите в такое понятие, как «неизлечимо больная совесть»? — произнёс Феликс Шульц, притворно улыбаясь пламени. — То есть такое состояние души, когда терапия бесполезна, а остаётся только... хирургия? Представьте идеальную опухоль, — мужчина сложил бледные пальцы домиком и впервые встретился взглядом с врачом. — Она умна, профессионально маскируется под здоровую ткань; медленно отравляет организм так, что тот атакует свои же клетки, думая, что они враги. Вопрос к вам: обязан ли хирург испытать сожаление, удаляя такую опухоль, или же, наоборот, удовлетворение?

Крупные капли дождя барабанили по стеклу, точно военный марш перед атакой, стекая всё ниже и ниже и падая на лепесток старого кустарника, чьи ветви давно ссохлись, предвещающая скорую гибель.

— Господин Шульц, я вас не понимаю, — непроизвольно улыбнулся врач, повторяя в голове одно и то же слово — «опухоль».

— Несколько лет назад, когда в нашем городе происходили беспорядки... — Костлявые кисти продолжали прокручивать кольцо, отражающее блики огня, — На пост судьи был поставлен Эрих Броннер — старый, алчный, но «справедливый» судья...

— Хм, да, был такой... О его смерти писали в газете...

Феликс Шульц улыбнулся, оскалив крошечные, но острые клыки, способные прокусить плоть и выпить всю кровь у своей жертвы.

— Вы правы... Его нашли мёртвым в собственном кабинете со вспоротым брюхом...

Врач Вебер хотел было спросить, но собеседник перебил его.

— Понимаю, у вас много вопросов, но послушайте меня... Я заплатил за сеанс, верно? — Тонкая бровь слегка изогнулась, приподнимаясь вверх. — Понимаете, любовь — возвышающее и окрыляющее чувство, ты ощущаешь непрерывное тепло и уют от своего возлюбленного, будто от мягкого пледа в холодный вечер перед камином и с бокальчиком глинтвейна в руке. Именно так я любил, был предан, как старый пёс своей хозяйке... Но её подставили, выставили воровкой... Я пытался помочь, заплатил адвокату, но... но всё было тщетно... Её расстреляли, приписав ещё несколько обвинений... Почему не меня? Она должна была жить, цвести, словно алая роза в тёплой теплице, но сейчас... — Пациент сглотнул, убрав локоны со лба. — Она лежит в холодной земле, её тело давно разложилось, а черви и опарыши полностью съели плоть... Но не только её... — Впервые за сеанс Феликс Шульц показал свою настоящую улыбку — ужасную и зловещую: она расширялась всё шире и шире, обнажая алые десны и длинный «кровавый» язык, точно у змеи. — Поздно вечером я постучал в дубовую дверь старинного особняка, и через мгновение её открыл хозяин дома. Я представился иностранцем и рассказал о поломке машины. Старик, как я и думал, не узнал меня спустя годы и вышел на дорожку, чтобы высмотреть автомобиль... — Бледные пальцы дрожали и прокручивали украшение всё быстрее.

— Я ударил его молотком, завёрнутым в тряпку... Наслаждение, словно рой муравьёв, пробежало по моей коже... Удовольствие ударило в голову, и я «опьянел»... Далее я видел лишь промежуточные моменты, которые запомнились мне на всю жизнь: отвратительно дряхлое тело, которое продолжало дышать, хирургический скальпель, перчатки и тряпки... — Мужчина спокойно вздохнул. — Какое же облегчение, ведь я никому об этом не говорил, абсолютно никому! — Он рассмеялся страшным смехом, похожим на звук старой мясорубки, которая жаждет кровавой плоти с жировыми прожилками. — Надев белоснежные перчатки, я взял скальпель и начал вскрывать «тушку»... Кровь алыми струями побежала по телу, стекая на пол и пачкая всё вокруг... Хриплый голос что-то произносил, но я резким движением открыл полость рта и отрезал язык, после чего вонзил лезвие в глаз, вырвал его, перерезав нерв, и бросил коту, который всё это время сидел в тёмном углу и боязливо поглядывал своими зелёными глазами... Сделав пару лёгких движений скальпелем, точно дирижёр, взмахи-

вающий своей палочкой перед огромным оркестром, я обнажил рёбра... Как же приятно было рыться в его потрохах, проникая всё глубже в ещё тёплое тело... Через несколько секунд я нашёл то, что мне было необходимо — уродливое и холодное сердце... Именно в нём хранилась моя любовь, мои чувства, которые он посмел вырезать и выбросить в помой... Но я отомстил! Провёл операцию, вырезал ту самую опухоль, которая принесла столько боли не только мне, но и многим жителям нашего города! Теперь я был судьёй, и мой приговор был исполнен собственными руками...

Мёртвая тишина повисла в кабинете, точно в старом и заброшенном склепе. Доктор Вебер не дышал. Его рука с перьевой ручкой застыла в воздухе, словно у восковой фигуры; весь его профессиональный мир сторел и рассыпался в прах перед этой ледяной исповедью.

— Зачем? Зачем вы всё это мне рассказали? — прошептал дрожащий голос.

— Наше время, дорогой доктор, подошло к концу. Теперь вы всё знаете, — вновь спокойно и расслабленно проговорил пациент, надев маску. — У вас есть два варианта: первый — позвонить в полицию и всё доложить. — Феликс Шульц неспешно поднялся с кресла, поправив рукав пиджака. — Или же вы будете молчать, как я все эти годы...

— Это... шантаж? — выдавил из себя врач.

— Ох, совсем нет. Это — передача ответственности. Моя душа была неизлечимо больна, но я провёл операцию, передав болезнь вам... — Пациент обернулся и не спеша направился к двери. — Ваш сеанс излечения только начинается... а если захотите воспользоваться первым вариантом, то вашей Эмили и маленькой Розы придётся познакомиться со мной, а именно — с моим настоящим обликом.

Дверь захлопнулась с тихим щелчком. Языки пламени почти погасли, оставив после себя догорающие угли — те самые, что остаются после жертвоприношения. Он продолжал вглядываться в них, пока ему не показался силуэт скальпеля. «Если долго смотреть в бездну, бездна начинает смотреть в тебя», — вдруг подумалось ему. Йонас Вебер опустил взгляд на пустой лист тетради, продолжая держать перьевую ручку, далее — вновь на кресло, от которого веяло холодом. «Я никому об этом не говорил», — мелькнуло в голове мужчины; фраза обрела отвратительный и ужасный вкус. Заметив стационарный телефон, врач набрал номер жены и убедился, что всё в порядке — они вместе с дочерью ждут его на ужин. Он закрыл глаза — и вновь поплыли образы: кровь, вытекающая из тела, скальпель из хирургической стали, кот, поедающий плоть своего хозяина, и хриплый голос. Но они были не чужими. Это были его воспоминания. Феликс Шульц не просто рассказал историю, он вновь открыл глаза Веберу, который так часто, но тщетно пытался закрыть их. Вновь скальпель, кровь, выколотый глаз, окровавленное сердце... Мужчина проснулся. Белые стены окружали его вокруг; всё его тело было связано с помощью смиренной рубашки. Раздирающий крик пронёсся по помещению, эхом раздаваясь по коридорам психиатрической больницы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.